

Исследования рисков развития современного общества в методологической традиции А.А. Зиновьева*

Введение

Актуальность работы связана с необходимостью поиска исследования рисков развития современного общества в новых методологических традициях, в частности в методологической традиции А.А. Зиновьева. Александр Александрович Зиновьев – русский советский философ, социолог и публицист, активный критик официальной идеологии и вместе с тем коммунист, диссидент и одновременно человек, горячо любящий Россию, глубоко прочувствовал на себе противоречия, порождаемые явными и скрытыми смыслами культуры. Он описывал эти противоречия и в философской, и в острой сатирической формах (например, в романе «Зияющие высоты»).

Объект исследования – риски развития современного общества.

Предмет исследования – скрытое нормирование как механизм существования культуры и как рискогенный фактор.

Цель работы – рассмотреть скрытое нормирование как механизм существования культуры и как рискогенный фактор в методологической традиции А.А. Зиновьева.

Проблема неявного нормирования культуры («криптонормирования») оказывается в предметном поле социальной философии вместе с многочисленными проблемами социальных мифов, предубеждений и стереотипов. Целый ряд западных исследователей высказались по поводу того, что в сознании современного человека существует целый спектр нормативных установок, прямо или косвенно влияющих на его убеждения, однако не рефлекслируемых, не осознаваемых, не поддающихся анализу (об этом говорили К. Уорд, Д. Купер, К. Хардин, Б. Дантон, Д. Майерс и многие другие). А.А. Зиновьев рассматривает эту проблему применительно к идеологии, влияющей на повседневность советского человека.

Гипотеза исследования заключается в том, что для российского общества данная проблема скрытого нормирования в высшей степени актуальна уже больше века, поскольку и в советское время, и после его окончания вопрос о диалектике свободы человека и принуждения стоял чрезвычайно широко и остро.

* Данная работа была представлена на Всероссийский конкурс научно-исследовательских работ студентов и аспирантов российских образовательных организаций высшего образования и научных организаций в области философии, посвященный 100-летию со дня рождения А.А. Зиновьева. Научное направление 5.7.7 Социальная и политическая философия. Научный руководитель: доктор философских наук, профессор по кафедре философии, профессор кафедры философии Гуманитарного института И.С. Бакланов.

Осадчий Александр Алексеевич, аспирант, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», кафедра философии Гуманитарного института.

Свобода и социальные нормы

Согласно методологическим идеям Иммануила Канта, свобода «принадлежит воле, [которая] может действовать независимо от посторонних определяющих ее причин» [6, с. 289]. В философии и, шире, в разных разделах социальной теории предпринимались попытки понять, насколько при этом личность может дистанцироваться от культурного и социального контекста, или, напротив, насколько она зависима от него. Для этого нужно понять, как именно формируется нормативное сознание (для России в этом соотношении первостепенно правосознание, поскольку оно исторически больше подвержено деформации), как оно развивается, функционирует и от чего деформируется. Почему схемы, разработанные для развития правосознания, часто или работают не так, как запланировано в теории, или вовсе не работают.

Английские исследователи Дж. Холдфорд и Дж. Свитмэн в статье «Неоднородность скрытых предубеждений» предупреждают о том, что неявное (предрассудочное) знание нужно обобщать с крайней осторожностью, поскольку оно сочетает в себе широкий спектр нормативных установок, заставляющих человека неосознанно думать и поступать определенным образом. Это чаще всего установки этического и религиозного характера, иногда идеология, через которые формируется картина мира и основной набор базовых культурных ценностей. Данное высказывание Зиновьев иллюстрирует на примере тоталитарной идеологии, в которой скрытое нормирование очень точно унифицируется и сливается (резонирует) с явным нормированием.

Это мнение не единственное среди существующих. В представлении Л. Альтюссера «идеология заняла то место, которое в психоанализе отводилось иллюзии независимости и нерасщепленности сознания» [7, с. 22]. Исследователь считает, что идеология по большей части бессознательна и скрыта от рефлексии даже тогда, когда представлена в явной (эксплицитной) форме. Особенность скрытого нормирования заключается в том, что идеологизированный дискурс, как метко выразился Э. Канетти, неявно содержит в себе «жало приказа», производя в сознании человека деонтическую разметку коммуникации, однако сам человек этого не осознаёт.

Нормы, риски, идеология и ценности культуры: взаимодействие и обусловленность

«Криптонормированные» описания проникают в самые мелкие «капилляры» культуры. Они описывают и нормируют любые (вплоть до самых интимных) проявления человеческой жизни: досуг, питание, личные взаимоотношения людей и т.п.» [9, с. 112]. Не случайно Зиновьев именно через эти механизмы осуществляет понимание того, как именно происходит подчинение общества тоталитарной идеологии. Это происходит через ценности культуры [10, с. 275]. Тотальная унификация культурных ценностей и подавление различий происходит через все нормативные системы, для этого процесса недостаточно только правовой системы (хотя ее участие необходимо). Подавление свободы происходит также через мораль и религию, средствами (языком) которых производится смысловая и нормативная разметка символической реальности, производство тотально унифицированных смыслов, незаметно подменяющих индивидуальные. Нравственная норма оказывается не внутренним социальным актом, свободно протекающим в сознании человека, внутренним личностным убеждением, а актом вторжения репрессивной политической воли, которая, однако, маскируется под внутренний моральный закон.

То же самое можно сказать о художественной культуре, искусстве. Н.А. Бердяев в свое время заметил: «Искусство должно быть свободно. Автономность искусства утверж-

дена навеки. Художественное творчество не должно быть подчинено внешним для него нормам, моральным, общественным или религиозным. Но автономия искусства совсем не означает того, что художественное творчество может или должно быть оторвано от духовной жизни и от духовного развития человека» [1, с. 19]. И говорит он это именно потому, что замечает подчиненность искусства скрытым внешним нормам принудительного характера. Его замечание звучит как предупреждение, так как криптонормирование часто стирает границы между нормой и патологией, девиацией.

Искусство, которое, по идее, должно быть уникальным, выходящим за границы типичного и «нормального», прославлять индивидуальные различия (а если и воспитывать, то делать это широко, не угнетая индивидуальной свободы), обретает не свойственные ему этические функции, начинает репрессировать эту свободу и насаждать стандарт социальной «нормальности».

В то же время у Зиновьева нет однозначной негативации данного феномена. Исследователь понимает его как существующий глубоко в культуре механизм унификации и трансляции идентичности. В широком смысле слова любая культура по отношению к человеку скрыта и явно нормативна. Через религию, например, христианство, культура выводит идеальные образцы, правила, санкции социального поведения и коммуникации. Через систему морали вводятся типичные повседневные образцы, явное нормирование повседневной коммуникации. А право является открыто нормирующей рамочной конструкцией, по большей частью очерчивающей границы недозволенного, запрещенного. Явное нормирование также производится через институты образования, производящие и внедряющие базис типологических ценностей.

Зиновьев как логик рассматривает основания индивидуальной свободы, применяя принцип диалектического детерминизма как «проявления автономности сознания в процессе взаимного определения человеком мира и мира человеком». Исследует он и понятие «имманентная детерминация», которое рассматривалось в советской науке Д.А. Лентьевым, Е.Р. Калитиевской, Е.Е. Дергачевой и др. [8, 5, 2]. Опять же как логик Зиновьев выявляет, что свобода всегда представляет собой некое переплетение зависимостей и независимостей субъекта от внутренних и внешних детерминаций, ее абсолютные и относительные модальности. Именно через скрытое нормирование формируются, поддерживаются и легитимируются разные типы культуры – «высококонтекстные» и «низкоконтекстные» (по теории Э. Холла) [13].

Россия – общество предельно высокого контекста, когда из официально декларируемого дискурса не только нельзя узнать действительного положения вещей, но в некотором смысле приходится производить инверсию этих смыслов. Поэтому Зиновьев много и в разных формах говорит о том, как именно (скрыто) проявляется общественный культурный идеал и каким образом он деформируется в конкретных общественно-политических ситуациях [3].

Как человек кристальной честности он не мог не критиковать тот «реальный коммунизм», который был у него перед глазами, однако вовсе не критиковал саму идею коммунизма. Напротив, он выступает как ее последовательный адепт: «Я сформировался с идеологией идеального коммуниста, а всю жизнь сражался с реальным коммунизмом». Это противоречие стало основанием того драматического отношения с советской властью, которое закончилось высылкой из России и двадцатилетней эмиграцией.

Именно понимание того, как культура сама подспудно задает людям идеал существования, детерминирует направление развития, привело к негативному восприятию Зиновьевым перестройки, критике Горбачева и его соратников за демагогию («революция, производимая “сверху”, по его мнению, не отвечала потребности людей, была им

безразлична») [11]. И эта же критика поссорила его со многими интеллектуалами Запада, поддерживавшими политический курс Горбачева. Зиновьев вновь был объявлен чудаком и даже сумасшедшим, уже в Европе.

* * *

Идеальные формы коммунистической идеи, функционирующие на собственных ценностных основаниях, всегда представлялись Зиновьеву как лучшее, что произвело человечество. А конкретное воплощение этой идеи в СССР он критиковал за карикатурность и уродливое искажение идеала [4]. Однако именно Россия с ее не-западными и не-восточными характеристиками социальности представлялась Зиновьеву идеальным обществом для воплощения этой идеи. Идею коммунизма он считал вечной и полагал, что российское общество к ней еще вернется при переходе к сверхобществу, однако не в формате тоталитарного угнетения, а в форме непротиворечивой диалектической связи свободы и необходимости, когда внешнее принуждение, применяемое к человеку, желающему этого принуждения, перестает быть принуждением. И только в этом случае скрытое нормирование индивидуального сознания перестанет быть репрессивным или рискогенным фактором и станет настоящим основанием для подлинной коллективной идентичности на основании коммунистической идеи.

Литература

1. Бердяев Н.А. Кризис искусства. М.: СП «Интерпринт», 1990.
2. Дергачева Е.Е. Личностная автономия как предмет психологических исследований: дис. ... канд. психол. наук / МГУ. М.: 2005. 162 с.
3. Зиновьев Александр. Гомо советикус. М.: Центрполиграф, 2000. 412 с.
4. Зиновьев Александр. Зияющие высоты. М.: Эксмо, 2008.
5. Калигиевская Е.Р. Психическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения к переживанию // Психология с гуманистическим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 231–238.
6. Кант И. Основы метафизики нравственности / И. Кант // Соч.: в 4 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965.
7. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999.
8. Леонтьев Д.А. От симбиоза и адаптации к автономии и трансценденции // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнотворчества / под ред. Е.И. Яцуты. Кемерово: ИПК «Графика», 2002. С. 3–34.
9. Похилько А.Д. Социокультурная автономность сознания: экзистенциально-антропологическое измерение. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2006. 248 с.
10. Скворцов А.А. Социология Александра Зиновьева: между логикой и этикой // Александр Александрович Зиновьев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 246–270.
11. Сорокин А.А. Специфика утопической модели общества в повести «Катастрожка» А.А. Зиновьева // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2020. № 25-2. С. 106–108.
- 12/ Фромм Э. Здоровое общество; пер с англ. / Хорни, Карен и Фромм, Эрих // Психоанализ и культура: Избранные труды. М.: Юристъ, 1995. 623 с.
13. Hall E.T. Beyond Culture. New York: Anchor Press, 1976. 316 p.